

Рашида СТИКЕЕВА

КЛЮЧ

Часть I

Он пригласил её в ресторан. Нового наряда для такого мероприятия у нее не было, но было одно платье, предназначенное для редких и исключительных случаев. Любимый зять привез из первых зарубежных командировок. Черное, простое, но очень элегантное. И брошь к нему в виде розы, с переливающимися камушками горного хрусталя.

Она с удовольствием тщательно расправила складки и морщинки платья, огладив руками ткань вдоль тела. Перестегнула ремешок, сделав потуже, подчеркнув сохранившуюся фигуру, и подняла голову. Из овального, в резной раме зеркала смотрела немолодая, но всё еще интересная женщина пятидесяти трех лет. Крашенные под орех волосы были гладко уложены. Капельку настоящих французских духов за мочку уха и на запястье. Вот и хорошо! Вот и хороша!

– А я знаю, куда ты пошла, – в дверях появился маленький внук. Глазки-пуговки превратились в хитрые щелочки. Ножки, сами по себе, от нетерпения вылезли из объемных домашних тапок.

– Ты почему не спишь?

– Я знаю, знаю, ты идешь....

– Тссс, давай это будет наш секрет, – бабушка спешила угомонить маленького хитреца, – завтра я приду...

– Я в садике буду, – торопливо напомнил внук, поглядывая по сторонам. Секрет надо было получить сейчас, пока он был «горячий», пока мама не вышла из ванной и не застала их в сговоре. Нужно было скорее получить этот самый секрет, унести и спрятать под подушку, пока не остыл.

– Ну хорошо! Когда ты придешь...

– Ты мне всё расскажешь, да, бабуля? – веселая рожица расплылась в лукавой улыбке, маленькие ножки всё так же приплясывали от нетерпения.

– Конечно, куда я денусь, – быстро и весело согласилась помолодевшая бабушка, и они, расцеловавшись, стремительно разбежались в разные стороны. Она в прихожую одеваться, он в свою комнату, в теплую кровать, прятаться под одеяло.

Мария Ивановна проверила готовность своей сумочки: ключи, деньги и па-спорт на всякий случай: всё на месте. Последний взгляд в полутемное зеркало перед уходом.

– Mam, a ты куда? Да еще и на ночь глядя?!

Дочь стояла в дверях в красивом, как на обложке глянцевого журнала, пушистом банном халате и с накрученной чалмой на голове. Тонкие брови в недоумении приподнялись. Влажные глаза замерли в ожидании ответа. Ответа не было. Мать молчала, решительно завязывая шарф. Плохо получалось застегнуть пуговицы. Во всем сквозила досада: на себя, на так не вовремя закончившиеся водные процедуры.

– Mam, тебе не стыдно? – тихо и необидно спросила она после непродолжительной паузы. Затем добавила еще тише: – ...Бегаешь, как девочка, что Петя скажет, а Леночка?

– Зять меня всегда понимал, а внучка, если ты постарайся, – Мария Ивановна для уверенности переложила перчатки из рук в руки, – и не заметит.

– Мама!

– Ужин на плите, Петин кефир и Леночкин завтрак в холодильнике. Всё, до завтра!..

Муж Марии Ивановны, Григорий Михайлович, был замечательным во всех отношениях. С первых встреч и до того памятного последнего их совместного дня. Он первый заметил Марию в жарком месяце июле олимпийского, восьмидесятого, года. Маша проходила практику Военной академии после окончания техникума, где к тому времени уже год учился Григорий. Невысокая, улыбчивая, уютная, с чудесными ямочками на круглом лице рыжеволосая девушка вызвала в нем самые теплые чувства. Чувства, которые мог вызвать только один человек. Он сразу же решил за ней ухаживать. Именно всерьез ухаживать, ломая свои правила и свои привычки.

После окончания военного училища в Рязани и поступления в столичную академию жизнь Григория Измайлова изменилась. Со всей ответственностью полностью отдавшись учебе и спортивным тренировкам, подчинив свою молодую жизнь расписанию высшего учебного заведения, он вдруг понял, что есть еще и свободное время. Время для личной жизни. Что делать с личной жизнью, Гриша не знал. Но, хорошо подумав, решил: раз есть такой факт, как свободное время, значит, пора искать невесту. И подошел к этому делу он степенно, всё обдумав, потому как был по природе своей человеком серьезным, где-то даже старомодным.

Григорий орлом смотрел на барышень. Мужчина он был хоть куда. Высок, темноглаз, черноволос. Глубокий низкий голос, большие сильные руки. Обходительен и обаятелен, как это могут делать только большие крупные мужчины. При таких характеристиках девушки сдавались практически сразу. Для начала молодой человек высматривал девушку, далее присматривался к ней, затем приглядывал – прикидывал, делая маленькую слежку на предмет привычек, подружек. Отдавая себе отчет, что всё это жизнь человеческая, а значит, ценная, как его собственная. Понимая, что экспериментировать не стоит ни с собственной жизнью, ни с чужой, потому что дается она человеку один раз. И удовлетворяясь фактами и размышлениями, начинал ухаживать. Ненавязчиво и неназойливо, но серьезно и с душой. После продолжительных встреч, которые порой длились и по полгода, делал выводы и красиво расставался. Один раз случился отказ с женской стороны. Девушка оказалась с норовом. Барышня даже в негодовании топнула ногой, обозвав его собственником. Григорий побряхтел, попереживал, осознал, что перегнул палку, и двинулся дальше на поиски той единственной, которой бы доверил самого себя и своего будущего ребенка. Про любовь он не думал. Нет, конечно, задумывался! Но что такое любовь? Так, страсти-мордасти. Всё ненадежно, а семья требует ответственности. Тем более если речь идет о его собственной семье. Поэтому и женщина, мать его детей, должна быть самой что ни на есть надежной.

Сам Григорий вырос в большой многодетной семье, был последним – седьмым в беспорядочном, мельтешащем обществе детей, где всегда тесно, всегда драчливо и весело. Родители надрывались в колхозе со старшими детьми, зарабатывая трудодни. Дети росли, как могли. По всем законам тяжелой крестьянской жизни. Вся семья с детства привыкла видеть Гриньку рядом с матерью. Мальцом, хватающимся за край материнской юбки, подростком, сидящим украдкой на её коленях. Отроком, шушукающимся с ней на завалинке в огороде. Юнцом – везде и всюду ей помощником. Гриша с малолетства знал, что мать всегда

буквально тряслась над ним. Потому как потеряла предпоследнего. Последыша же лелеяла и холила, как могла. А как могла?! Сама всё время находилась в состоянии выживания. Он был очень благодарен ей за то, что та оберегала его от всех невзгод трудной крестьянской жизни. Была ему уютным гнездом и защитой одновременно. Ему единственному читала на ночь две чудом оказавшиеся в доме тонкие книжки, неизвестно каким книгоношей занесенные в деревню. Одна с непонятым названием «Козетта», а вторая – со ссохшимися замусоленными краями желтых страниц, была и вовсе без картонной обложки и названия, только с истертым блеклым рисунком в начале текста, где дед-шарманщик шел с мальчиком сквозь густую метель.

Калужская крестьянка с четырьмя классами образования, мать очень старалась, чтобы сыну было интересно слушать. Читала медленно, где-то по слогам, где-то нараспев, не торопясь. Всплакнув в местах особо чувствительных и переходя на шепот в тревожных. Трогательно и искренно переживая все эмоции, связанные с событиями в книжке. У матери с сыном сложились свои, отдельные от семьи, ведомые только им и не ведомые никому больше отношения очень близких людей. Связь эта, как понимал Григорий, строилась на простых законах. Ты обо мне заботишься, помогаешь выжить, а я тебя за это искренне люблю. Отец был человек жесткий, строгий, неулыбчивый, уверенно управлял семьей и хозяйством. Ни для кого не было секретом, что из всей семьи Гриня дружил только с матерью. За отцом наблюдал, сидя опять же у матери на коленях. С остальными братьями и сестрами сосуществовал. Уехав учиться, писал письма только ей. Никого не удостаивал своим вниманием и интересом, не разменивал его на остальных членов большой семьи. Став взрослым, изредка вспоминая отца, Григорий не раз спрашивал себя: почему тот был суров к жене, к матери восьмерых детей? Что такого сделала? И не было у него ответа, кроме как – все так жили! Жизнь в деревне тяжелая, не до нежностей. Свою семью, так решил Гриша, будет строить по такому же принципу: жена и дети должны будут бояться и уважать его.

Отец в трудах и заботах не заметил рождения Гришеньки. За всю последнюю беременность жены ни разу не приласкал женщину. Всё больше отмалчивался. Не помнил, как тот вырос. Не горюя проводил во взрослую жизнь и не скорбя расстался с ним навсегда. После поступления в военное училище младший сын ни разу не приехал в родительский дом. Надо сказать, родные не переживали и не обижались на него за это. Общенья хватало благодаря многочисленному составу семейства. На редкие застольные праздники, когда дети теперь уже со своими разросшимися семьями накатывали домой, Григорий присылал длинное теплое послание, адресованное матери, где поименно передавал привет всем своим братьям и сестрам, племянникам и племянницам, а также внучатых родственников не забывал. Постоянный адрес, а позднее и телефон всегда обещал выслать позже, после некоторых уточнений. Письма были искренние, добрые и веселые. И родственники, обманутые в очередной раз, оставались довольными его отговорками. Служба военного – работа секретная, что тут поделаешь! Никто не был в претензии. Мать по простоте недоумевала: отчего такая благодать?! Отчего такое внимание, избранность, забота со стороны младшенького? Счастливо грелась в лучах этого внимания. Черпала пригоршнями редкую радость и набиралась веселого здорового духа.

Мария принимала ухаживания Григория, не видя подвоха. Счастливо бегала на свидания и весело кокетничала, не допуская вольностей. Опомнилась, когда Григорий, крепко прижав её, объявил: завтра в загс, не забудь паспорт взять и подружку в качестве свидетельницы.

– А как же мама? – ахнула Маша. – Я не могу вот так... без родительского благословения.

– Ну, хорошо! Мама так мама! Завтра в загс... заявление, и сразу в поезд, в Казань, к теще.

– Гриша, постой, не торопись! Ты любишь меня? – Маша ждала немедленного ответа.

– Ну конечно! А как же без этого?! – усмехнулся Григорий.

Свадьбу сыграли там же, в Москве, чуть позже, тихую и скромную. Несколько значимых приятелей Григория и две незначительные подружки Машеньки, отобранные им же, Григорием, для столь судьбоносного мероприятия. Из родителей только теща – Ираида Африкановна, да и та по природе своей была молчалива. Зятя приняла, сдержанно, но приветливо, понимая, что её мнение не повлияет на ход событий. Глядя на дочь, скупно улыбалась, предполагая, что дочь не вышла еще из поры нежного девичества. Как солдатик подчинилась приказу этого сильного строгого человека: замуж так замуж. Слава богу, человек он положительный, домашний. А там моя девочка привыкнет, куда денется, все так живут.

Была Ираида Африкановна из глубоко верующей семьи. На все Машенькины просьбы рассказать про деда с бабушкой отмахивалась и отнекивалась, только по вечерам истово крестилась за упокой души невинно убиенных. Кто были её родители, откуда и как она оказалась в Казани, вернее, на её окраине? Как удалось окончить медицинское училище? Как попала работать в детскую инфекционную больницу медсестрой? Дочь не знала. Отца Маша тоже не знала и не помнила. Ираида рано осталась вдовой с годовалой Машенькой на руках. При больничке была бельевая, а при бельевой маленькая утепленная терраска. Вот в этой бельевой-терраске и жила мать с дочерью, не строя планы на будущее. После окончания школы Маша поступила в техникум. На чертежницу. Училась хорошо. Весело. Подруг было много. Ребят – друзей всегда хватало. Матушка всё больше помалкивала да по вечерам шепотом читала свои молитвы. Жили дружно, без сложностей. Маша любила мать простым понятным чувством на том простом основании, что это был единственный родной человек. А что еще должно связывать родных людей – только искренняя привязанность и бескорыстная любовь. Сколько себя помнила Маша, родительница всегда работала в одной и той же больнице, на краю города. И главный врач у нее был всегда один и тот же – Сан Саныч Седой. Весь серый и унылый от хронической усталости и недосыпа. С остатками пепла дешевых папирос на рукавах вечно мятого пиджака. Был он одинок, своей заурядной внешностью – впалыми щеками и тяжелым плохо выбритым подбородком – женщин не привлекал. Работал сутками. Нехотя уходил на выходные и праздники.

Никогда Машенька не слышала от матери сетований и жалоб на тяжелый труд или на неустроенность быта. Утро начиналось с тихого бормотания молитвы, также и заканчивался день. Днем жили открытым домом: каждый мог зайти, забежать, заглянуть. Вечером терраска закрывалась на нехитрый крючок. Казалось, никого Ираида не боялась и ничего не боялась. Со всеми могла договориться, по крайней мере, так казалось. Малого роста, аккуратного сложения. Обыкновенные карие глаза, курносый нос и круглый подбородок. Внешность бледновата, конечно, но зато всё еще блестящие рыжие волосы выбиваются из-под косынки. И часто ловила взгляды Сан Саныча на своем милом лице. Поймав, отворачивалась. Неразговорчивая, но улыбчивая Ираида была похожа скорее на воспитанную девочку из профессорской семьи. Удивлялась дочь только одному незыблемому больничному правилу – сообщать о смерти ребенка, что случалось нечасто, родителям или отнести труп умершего ребенка в центральный городской морг на вскрытие доверяли только Ираиде. Однажды вот так и столкнулась с ней на мосту. Мать шла с отрешенным лицом, глазами внутрь себя, еле шевеля

сухими губами и истово прижимая к себе большой не то кулек, не то сверток. Маша не решилась окликнуть её, и та тенью прошла мимо.

Как-то раз в воскресное утро Ираида, вернувшись после ночного дежурства, прилегла. Маша трудилась с тяжелым утюгом над больничным постиранным хозяйством, была такая договоренность. Дверь распахнула молодая нянька Зойка, вертлявая и быстроногая.

– Ираида Африканна, там... привезли... совсем плохая... бегите, зовут вас.

Ираида, как всегда, молча, без вопросов быстро накинула белый халат и кинулась вслед за Зойкой, которой уже и след простыл. В приемном покое шел осмотр больной. Девочка горела scarлатиной. Металась в бреду, обметывая языком иссохшие губы. Рядом топтались потерянные родители, по виду простые колхозники.

– В бокс её, Ираида, в бокс. Родителей вон... в коридор. На педикулез... Зоя! Направление проверила? – главный врач Седой Александр Александрович был суетлив и недоволен. Он всегда, казалось, был недоволен при поступлении тяжелобольных. Нервничал, переживал, нарочито громко и грубо давал указания.

– Да вы что, Сан Саныч? Какой педикулез? К ней подойти... сгоришь, – Зойка на всякий случай сделала страшные глаза.

– Я всё сама сделаю, вы идите. Давайте вещи и ждите в коридоре, – Ираида глянула на девочку, украдкой перекрестилась, кивнула главному и толкнула каталку в полутемный бокс.

Три дня в бокс никто не входил, кроме Седого. Выходил он в настроении хуже некуда. Шел к себе в кабинет, запирался и курил так, что весь коридор наполнялся тяжелым запахом вонючих папирос. Ираида и вовсе не выходила. Знали только, что девочка в бреду, без сознания мечется, а та при ней сиделкой, вроде как молитвы читает и лекарством потчует. На четвертый день, вызвав к себе в кабинет родителей, Сан Саныч объявил готовиться к худшему. Мать девочки, не сходя с места, заголосила так, что все ходячие больные повыскакивали из своих палат. Из бокса выползла почерневшая за последние дни Ираида. Взглядом заткнула голосившую тетку и велела убираться прочь... в церковь или в мечеть... куда хотите... за здоровье, слышите, за здоровье ставьте... молитву читайте!.. На следующее утро в боксе Сан Саныч застал бледную, но живую девочку с лихорадочными глазами, водившую худым пальчиком по стеклу замершего окна, что-то бормоча себе под нос, и спавшую у нее в ногах Ираиду. Такую же худую и бледную. Девочку перевели в общее отделение выздоравливать. Ираиду отправили отдыхать.

Вся больница ненадолго впала в изумление. Ираида чувствовала шепот и разговоры – за ней наблюдали, кто-то с усмешкой, кто-то с восхищением. Родителей, явившихся с подарками в знак благодарности, Ираида развернула, не дав и порог переступить: Всевышнего благодарите, а не меня! Маша после этого случая стала внимательней относиться к матери, с интересом, что ли, словно пыталась какой-то секрет в ней разгадать, о котором она до сих пор и не догадывалась, прожив с матерью больше шестнадцати лет.

После регистрации брака молодожены сняли у четы старых партийных, изрядно потрепанных в ссылках и ГУЛАГе Левковичей комнату на улице Жданова. Григорий занес два чемодана в тесную узкую комнатку, похожую на пенал, и Машенька счастливо засмеялась.

– Ну вот, Маруся, и у нас свой угол.

– Не Маруся... Маша, Маша я! И не угол, а дом. Маленький, но настоящий дом. Свой дом.

Москвы Маша за те недолгие годы так и не увидела. Красоты столичной не разглядела. Театрами, выставками, магазинами не прельстилась. За продуктами

Маша ходила в ближайший гастроном. А платья и кофточки сама себе строчила, благо ткани всегда можно было купить в столице свободно. Оба целыми днями пропадали в академии: он на занятиях, она в конструкторском бюро на практике. Обедать бегали вместе в столовую одного маленького издательства, неподалеку, за углом. Там за советский полтинник давали обед из трех блюд: на первое постный скучный борщ, на второе жидкое пюре или резиновые макароны с тощей котлетой, ну и бледный компот с разваристыми яблоками.

Обычно за обедом Гриша всегда много говорил: обсуждал, возмущался, ругал кого-то, а Маша его слушала. Когда она отвлекалась, он делал ей нестрогий выговор: мол, слушай, когда муж говорит, и снова возвращался к своему монологу. И жена слушала или делала вид, что слушала, жевала свою котлету, исподволь разглядывая прохожих за широким окном столовки. Со стипендии, раз в месяц, шли на рынок, покупали картошку, лук, морковь и курицу. Жарили, варили. Мясо и всякие разносолы водились редко в молодой семье. Помощи не было. Да они и не ждали. Машенька оказалась замечательной хозяйкой. Проворной и рукастой. Она не только ухаживала за мужем, будущей гордостью Отечества, но и за старой большевистской гвардией приглядывала: подкармливала ужином, обстирывала латаные-перелатаные одежды героев революции. Липковичи полюбили её, к Григорию же относились сдержанно.

Через год, летом, Маша родила девочку. Девочку Леночку. Молодые родители внесли малышку в дом и кинулись разглядывать. Малышка была похожа на маленького ежика. Не по жестким волосам – волосы как раз были мягкими, светлыми и нежными, как пух – а по забавной повадке шумно любопытно принюхиваться своим носиком-кнопкой перед кормлением. Кормление было частым и долгим, и Машенька было совсем уже замучилась готовить обеды, убираться, стирать, ухаживать за Леночкой, но партийная чета неожиданно поддержала молодую мать. Старый герой-партиец, раскатывая коляску в длинном темном коридоре, просвещал непросвещенного младенца в области марксистско-ленинской науки. Так под скрип коляски Леночка освоила «Капитал». К годовщине первой Леночкиной жизни старый большевик замахнулся на «Апрельские тезисы» и ранние труды Владимира Ильича, кряхтя, достал с верхних полок пыльные темные книги. Леночка ковыляла на неуверенных круглых ножках по своим первым дорожкам двора, крепко держа за палец старика. Сидя в легкой косыночке в безопасной песочнице, запускала первые свои внятные звуки. Самостоятельно орудовала детской лопаткой и ведерком под кустом сирени под льющиеся из уст съехавшего с катушек старика неумолкающие цитаты вечно живого Ильича. Так они и прогуляли первые годы Леночкиной жизни: старый оратор-идеолог и малолетняя благовоспитанная слушательница. Благодаря такой идеологической закалке в последующие годы Леночка в детском саду изумляла всех правильностью речи и феноменальной памятью.

Везучий был Григорий, ох и везучий! Ближний Восток даже не аукнулся. Афганистан – не зацепил. До Северного Карабаха было далеко. До академии прослужил на Дальнем Востоке почти пять лет в одном гарнизоне. После окончания академии покидало немного, помотало по стране, прибило в Казахстан. В Семипалатинскую область. В закрытую военную часть стратегического значения, именуемую «город Курчатов». Маленький городок сплошь из блочных серых четырехэтажных домиков-коробочек. Серый, бездушный, продуваемый с трех сторон казахской ковыльной степью. Видимость была завидная, за несколько километров. Город по всему периметру был обнесен колючей проволокой. Одной, видно, самой стратегической стороной выходил на высокий берег Иртыша и тоже ограждался. Речные суда, проходящие мимо, обязаны были

проплывать быстро, без показательно-приветствующих гудков, как говорится, «не оглядываясь». Ездить в находящийся рядом, в ста сорока трех километрах Семипалатинск, разрешалось только по специальным пропускам. Одним словом, закрытый советский объект №... Зато снабжение было по первому классу! Прилавки двух гастрономов радовали глаз изобилием и дружбой советских народов. Икру, конечно, ложками не ели, но все деликатесы отечественного и импортного производства, и все самого лучшего качества, были представлены в ассортименте. Мясные консервы из того же рядом находящегося Семипалатинского мясоконсервного комбината. Тут не только рядовая дачная тушенка «с медалями», но и говяжий язык в желе, нежная требуха в рассоле, студень в собственном соку и много чего вкусного. Деликатесы из сыров-колбас были из Москвы и Ленинграда. Рыбные консервы все из Прибалтики и Калининграда. Шпроты красовались на отдельной полке аж трех видов. Горошек, кукуруза, перец и всякие веселые баночки из Венгрии и Болгарии. Сладости в виде конфет – сплошь московские: «Бабаевской» и «Рот Фронт» кондитерских фабрик. Чай не только № 36, пожененный, знать бы, «кого с кем там поженили», как говаривала Ираида Африкановна, но и индийский, со слонем на боку яркой коробки. Трикотаж, аккуратно висевший на плечиках, был исключительно ленинградский и рижский. Но часто были югославские и польские заводы. Термосы и полотенца из дружественного Китая радовали своим отменным качеством. Техника японская, но немного и нечасто. Косметика разная – целиком из солнечной Болгарии.

В первое время Машенька замирала прямо на пороге магазина. Глаза не могли нарадоваться и вобрать в себя всё это продуктивно-бакалейное пиршество. Ходила как в музей, просто посмотреть, порадоваться. Покупала понемногу, оставляя повод для похода в магазин и на следующий раз.

Григорий посмеивался:

– Что же ты сразу-то всё не купишь? Ты прямо как не советская женщина! Хватай, тащи, пока возможность есть!

А она получала тихую радость и наслаждение почти физическое от этих частых праздников-походов. Радость человека, познавшего бедность. Целый год Машенька ходила в магазины, больше удовлетворяя свою эстетически-зрительную потребность, нежели практическую. Целый год Григорий Михайлович учил жену быть истинно советской женщиной. Маша слушала, соглашалась, кивала головой и продолжала свои прогулки за положительными эмоциями. В последующие годы жизни в этом степном бездушном сером городишке Маша немного обвыкла с местным изобилием.

Леночка же радовала своим быстрым развитием, превратившись в разумную малолетнюю красавицу. От матери унаследовала вьющиеся рыжеватые волосы с медным отливом, бархатные темные глаза, очаровательные ямочки. От родителя – рост и статность. Она была везде и всегда звездой в больших и малых детских коллективах, не участвуя при этом ни в каких соревнованиях. Крепенькая и приветливая девочка не испытывала никакой нервозности ни в чем, не принимая никакого участия не только в скандалах и ссорах своих подружек, но и в любых мероприятиях. Такое поведение можно объяснить либо ангельским великодушием, либо сатанинской гордыней. Мария с нежным удивлением наблюдала за дочерью, за её правильностью вести свои детские девчачьи дела. Вечером, когда мать купала дочь перед сном, та сама, без вопросов, начинала увлеченно рассказывать о событиях пройденного дня. Мария долгий монолог не прерывала, понимая, что это отцовская наследственность: говорить, требуя молчаливого внимания и участия. Справедливо отмечая её

взросление, она любила дочь без слепого обожания, без нравочений, немного отстраненно. Как бы любясь и давая возможность родному человечку свободно и спокойно расти, самой разбираться во всём. Мать и дочь были близкими друзьями, душевными подругами, глубоко уважая пространство друг друга, не смотря на малолетство одной. Чего нельзя было сказать про отца. Григорий Михайлович к тому времени уже получил майора и отвечал за идейно-политическое дело вверенного ему объекта. Имел репутацию строгого, но справедливого начальника. И дома не расслаблялся, не давая возможности никому расслабляться в его присутствии. Руки не распускал, да этого и не требовалось. Мария не давала повода, да и Леночка была послушной дочерью... Кроме подчинения, краткого отчета об успеваемости от дочери ничего не требовалось.

Леночка принимала правила игры: честно отчитавшись и доложив об успешном ходе своей подготовки к школе, уединялась с матерью за книжкой или вечерним оживленным разговором, в котором, как всегда, слушателем была Маша. Леночка, в основном молчавшая при отце, вздохнув шепотом рассказывала матери о последних событиях: кто кому на ногу наступил, кто больше плохих слов знает и как Вовка-морковка хотел Леночку поцеловать, но она убежала и язык ему показала, дураку этакому.

Была у Григория одна странность, довольно редкая и непонятная. Поначалу Маша всё пыталась как-то оправдать её, но ей никак не удавалось найти объяснение столь странному поведению. Муж любил во всём и всегда порядок. Даже в таких мелочах, как ключ от квартиры... он был в одном экземпляре. Маша растерянно разводила руками, но Григорий был упрям: зачем множить? Давать повод всякого рода воришкам?

– Какие воры? Все в городке друг друга в лицо знают!

– Ты будешь домой торопиться, ну и я, конечно, потороплюсь, – продолжал он, не обращая внимания на её слабые реплики. – А гулять с Леночкой и рядом с домом можно, нечего по чужим дворам бегать.

Маша не сердилась, понимая: муж блажит, а она... ну не станет же она из-за чепухи ссориться. Позже всё-таки попыталась говорить, спорить, убеждать, даже всплакнула, наконец, – всё бесполезно. Она ничего не понимала. Маша работала кастеляншей в том же саду, где и Леночка. Вместе уходили, вместе возвращались домой рука об руку. Каждое утро они с Леночкой, как двое рядовых призывника, быстро, без капризов одевались, собирались, и Григорий Михайлович закрывал за всеми дверь одним-единственным ключом. Ключ поворачивался в замке, издавал противный щелкающий звук и исчезал в бездонном кармане военных штанов или офицерской шинели.

Один раз случилось сидеть до ночи на ступеньках лестничной площадки. Другой раз – ночевать у соседки, одинокой прапорщицы. У отца семейства оказалась военная тревога. После этого случая Маша сильно обиделась. Не хотела даже смотреть на него, а уж тем более слушать его оправдания. А он и не оправдывался. Молча курил на кухне, стоя у форточки. Он старался не думать о её обидах, а если задумывался, то всплывала одна и та же мутная дальняя картинка. Подвыпившая заплаканная мать, сидящая за неубранным столом, рядом два мужика. Не то успокаивают, не то уговаривают. Гриша знает точно, это пришлые – шабашники из города, которых в ту пору в деревнях было много в поисках заработка. Всякое деревенское хозяйство постоянно требовало рабочих рук. Видно, матушка их кормила, а они её угощали спиртным. Отец со старшими детьми часто уезжал на несколько дней в поля, оставляя её одну с младшими ребятами.

О том, что отец не хотел его рождения, он догадывался. И то, что между родителями были непростые отношения, чувствовал. Знал, что после именно

этих гостей отец первый раз ударил мать. Вроде как подпоили её во время этого застолья проклятые чужаки и вынесли семенной картофель со двора, чтобы в соседней деревне продать за несколько бутылок водки. Отец, крепкий хозяйственник, долго не мог простить непьющей матери это гостеприимство. Что нашло на нее в тот вечер? Гриша слышал по ночам материнский шепот – она еще долго оправдывалась перед отцом. И сделал выводы – не надо было отцу оставлять мать без присмотра. Как он мог сказать Маше, жене своей, что не доверяет ей?! Не доверяет не только ей, а всем женщинам?! Для него они существа крайне легкомысленные и неразумные, как тут доверить ключ от дома, от его крепости. А ну как впустит кого в эту крепость?!

Легли под утро порознь. Маша в одиночестве пыталась заснуть. Она всегда плохо засыпала, в голове всё мешалось: прожитый день, планы на грядущий... Зато сны всегда были легкие, цветные, оставляя после себя хорошее самочувствие и доброе настроение. Просыпалась легко и быстро. В ту ночь ей приснился дымчато-серый сон. В легком сером тумане она запирала дверь на ключ, а потом выбросила этот самый ключ в окно... И сделала это с таким облегчением! Ей во сне чувствовалось, словно растается с большой и тяжелой ношей. Непонятно было одно: где это было? Проснувшись, долго лежала – день был выходной – прислушиваясь и договариваясь сама с собой. И решила: во-первых, буду снисходительна, во-вторых, терпима: не стану же из-за... какой-то ерунды... и в-третьих... Григорий на утро скупно извинился и виновато молчал весь день, но ключ не размножил, при этом договорились прятать его под коврик.

Вскоре после приезда в Курчатов Маша завела себе подруг: Тамару и Надю. Тамара была женой старшего лейтенанта и работала заместителем главного врача в медчасти. Надежда, жена прапорщика сверхсрочника, работала оператором связи. Девочки виделись нечасто, хотя жили в одном доме. Но дружили искренне и душевно. Тамара серьезно вела семью: мужа, дочь, старше Леночки, и службу. И в службе, и в дружбе была честна и ответственна. Надежда, хохотушка и веселого нрава молодая особа, немного подкачала по части морали, не стеснялась строить глазки офицерам любого ранга. Несмотря на деланную веселость и открытость, строила тайные, ей одной ведомые планы на предмет своей личной жизни. Детей у них не было. Муж её был из простых, деревенских. Служил прапорщиком в хозчасти. Отличник боевой и политической подготовки, на жену свою смотрел и слушал, открыв рот, а она в этот рот порой плевала, делая всё, что ей заблагорассудится, кокетничая и мороча голову всем мужчинам вокруг себя.

Старшей в их маленькой женской компании была, без сомнения, Тамара. Она могла и Надежду одернуть, и Машу вернуть из её великодушно-отрешенного состояния к реалиям жизни. Та же Тамара и надоумила Марию получить дополнительное образование – диплом медсестры: ну сколько можно в саду работать? Такие голова и руки пропадают! Пришла как-то вечером и предложила ей взять направление из медсанчасти на учебу в связи с нехваткой младшего медперсонала. Маша обрадовалась: новое занятие, новые люди! Чему не был рад её муж. Но мужа как раз таки взяла на себя строгая Тома. Дождалась Григория со службы и, несмотря на домашнюю обстановку, твердым голосом доложила о нехватке медицинского состава вверенной ей службы. Григорий Михайлович молча выслушал, покивал и, ничего не сказав, сел ужинать. Поздним вечером, уже устроившись на мужнином плече, Маша тихо спросила про Тамарино предложение. Григорий недовольно повозился, посопел и тихо приказал:

– Спи, Маруся!

Все последующие дни Маша светилась счастьем, оформляя и подписывая документы для выезда и поступления в медицинское училище. Поступление пла-

нировалось в начале августа, а в конце июля заболела ветрянкой Леночка. Маша кинулась за помощью к подругам и, заручившись поддержкой бездетной Надежды, уехала в город, не переставая ни на час волноваться за здоровье дочери.

Семипалатинск был типичным советским провинциальным городом областного значения. Вокруг редколесный сосновый бор. Постоянный степной с песочком ветер выдувал город со всех сторон. Кирпичные невысокие пятиэтажки, заводы с дымными трубами на окраине, две фабрики в центральной части, по-хозяйски расположенные в старинных складах междуреченских купцов начала восемнадцатого века, два больших моста через Иртыш, городская площадь, памятник Ленину в центре площади, магазины, школы, больницы... Ничего особенного, никакого выразительного национального или местного колорита, обычный серый советский город в степи. Песчаные бури, частое явление, хозяйничали по-своему, забывая все щели, глаза, уши, рот, а зимой выдувая драгоценное человеческое тепло.

Маша ничего и никого не замечала, не разглядывала: скорее сдать вступительные экзамены и обратно к Леночке. О том, что поступит или не поступит, даже не переживала, знала, что поступит: готовилась, всё повторила и была уверена на все сто процентов. Поступила! Сдала первые два экзамена – алгебру и сочинение, и её сразу зачислили. Почему? Она старалась и не думать: случилось, и слава Богу! А теперь домой, к дочери. Осенью, а это уже скоро, на установочную сессию опять возвращаться. Кинула вещи в небольшой чемодан, забежала в приемную за «вызовом» на первую сессию, и бегом на поезд до Аягуза, а там пересадка на автобус до городка. Торопилась так, что и про подарки забыла. Сев в поезд, почувствовала легкий озноб и слабость. Вернувшись домой, забрав у всё той же надежной соседки-прапорщицы ключ, вошла в квартиру... кругом чистота и порядок. Молодец Гриша – умеет хозяйничать!

Наспех приняла еле-еле теплый душ (летом в городке обычно не было горячей воды), поставила чайник на плиту и поплелась в комнату на диван, понимая, что заболевает. Надежда удивилась, получив от душевной соседки подробный отчет о скором возвращении хозяйки и, сняв с Леночки сандалии, сунув ей в руки яблоко, отправила девочку на кухню. Сама заглянула в комнату, удивившись тишине.

– Машка, ты больная совсем!

– Леночку не пускай ко мне, – попыталась улыбнуться та, – я поступила, можешь поздравить!

– Да знаем всё. Томка еще вчера звонила в город... Так, а ты чего так торопилась?

Она сквозь больной сон, услышав это, удивилась вопросу. Была договоренность, что Маша при первой возможности всё сдаст и, не задерживаясь, вернется обратно... Удивилась она и реакции мужа. Ехала и знала, что поздравления с его стороны не будет. Будет раздражаться, ворчать, упрекать в эгоизме. Но Григорий, казалось, очень обрадовался скорому возвращению Маши. Обласкал жену вниманием: поставил градусник, дал горячего молока с аспирином, завернул её ноги в плед и пошел кормить дочь ужином, который чудесным образом стоял в холодильнике. Трижды спасибо Надежде и за дочь, и за дом, и за... мужа, – слабо думалось Маше.

Утром после ночной смены пришла Тамара. Сдержанно поздравила, принесла направление на работу к начальнику медицинской службы, опечатанное на машинке в машбюро, и начала рассеянно расспрашивать, что и как... Маша чувствовала, что подруга хотела поговорить о чем-то, но приставать с расспросами не было сил. Тамара в ответ только кивала на Машины слабенькие вос-

торги про Надежду и про верную дружбу. Уже стоя на пороге, замешкалась, потопталась, напряглась, даже рот открыла, вот-вот что-то скажет, но справилась с собой и вышла, оставив Машу в некоторой растерянности.

Конец лета был жарким. Листья ссохлись и осыпались с деревьев. И теперь стояли пустыми метлами, простирая к бесцветному небу голые ветки. К обеду солнце затягивало не то легкими прозрачными тучами, не то каким-то маревом, не то радиоактивным туманом, про который много говорили. Иногда на землю падал мелкий степной дождь. Капал редкими злыми слезами. Колочий степной ветер мгновенно иссушал мелкие осадки, и снова пыль, ветер, песок везде и всюду. С началом осени жара отступила, и ветер, гнавший колючку и песчаные бури, теперь громко тянул свою заунывную тоскливую молитву казахских степей, зазывая зиму. Тоска от этого пустынного иссушающего звука не отпускала порой сутками. Хотелось домой, к маме, в родную больничку, к родным запахам, знакомым звукам и лицам. Лечь в свою кровать, давно ставшую тесной и короткой. Легко заснуть под теплый мамин голос, воркующий молитвы, и всю ночь нюхать подушку, пахнущую перегретым утюгом.

В своих снах она часто видела себя прежней, маленькой... Её любили... за легкий характер, за беготню на переменах, за вьющиеся непокорные волосы, за то, что у нее, несмотря на бедность, был самый веселый день рождения, и еще потому, что она всегда приходила первая на помощь. Такой взрослой она себя не помнила. Когда-то она легко сходилась с людьми. Сейчас всё больше отталчивалась, улыбаясь.

– Зачем ты Григорию позволяешь дружить с Надеждой? – Тамара делала строгие глаза.

– Он сам решает, с кем ему общаться, – скупо улыбаясь, оправдывается Маша.

– Ну, я не знаю... Разве ты не видишь, он же заигрывает с ней, а она с ним! Он её кадрит, попросту говоря, ты что, слепая?

Всё понятно: подруга, переживая за уважение к морально-семейному кодексу, вся наливается праведным гневом к бессовестной Надьке.

– Том, что я могу сделать, если он нравится женщинам... ну, обаятельный он, понимаешь, ха-ри-зма-тичный?!

Тамара разводит руками: на глазах рушится семейная жизнь, а ей, Машке – простушке, всё равно!

А ей и действительно всё равно. Жизнь катилась своим чередом. Учеба в училище, Леночка, работа, только муж... жил своей, по расписанию, жизнью. Маша притерпелась, привыкла, обмякла. По ночам, уложив семейство, писала матери длинные письма. Обо всем. В ответ получала короткий, на полстраницы, перечень мелких событий в незначительной материнской жизни. Напоминание о христианских праздниках и... «терпение, дочь, во всем, ибо терпение...» – на оставшейся полстранице. И дочь терпела... вот только ключ, мерзкое щелканье которого почему-то отравляло ей жизнь. Ключ напоминал ей, что она в Гришиной жизни присутствовала исключительно с единственной миссией – создавать удобство, комфорт, уровень, что еще?

– Ты должна соответствовать всему – и мужу, и этому дому! – так он говорил, приняв на грудь грамм сто крепкой горячительной самодельной наливки, которую сам и делал по осени.

Соответствовать образу, какому? Непонятно. Да и сам Григорий Михайлович, довольный своей жизнью, своим положением и статусом, имел смутное представление о данном соответствии. Но она старалась, очень старалась, чтобы Гриша был доволен. Вот только их дом муж называл «своим». Не мог, ну не

мог он довериться женщине. Пусть даже жене, такой верной и надежной. Вход в этот идеальный дом должен быть тернистым, чтобы, значит, дорожила тем, что имела. Ею всё это никак не принималось, но мысль о разводе – недопустима. Приходилось одно – терпеть.

Леночка перешла в пятый класс в единственной в городке, переполненной школе, когда Григорий Михайлович резко пошел на повышение. Да и Тамара стала начальником медчасти и тоже получила очередную звездочку. Только вот с Надеждой вышел конфуз. Выписав как-то себе командировку по каким-то хозяйственным нуждам в Семипалатинск, она не вернулась в положенный срок обратно. Поднялась тревога, вначале тихая, а потом выяснилось, что до этого события получил перевод в Новороссийск один из офицеров младшего командного состава, якобы имевший с ней отношения. Навели справки. Факты были сопоставлены, но не подтвердились, расследование проведено, но результатов не дало, и дело закрыли. Не будут же из-за какой-то разгульной бабенки честь военного гарнизона марать. А что до молодого офицера, так то только сплетни и наговоры, опять же бабьи. Муж Надежды сник от такого коварства жены. Написал рапорт о переводе в другую часть – ему подписали, не делать же из боевого мужика, хоть и не кадрового, но всё же военного человека, посмешище. Вскоре после переезда в другую часть он жестоко запил, даже под арестом сидел за плохое поведение. Впоследствии из вооруженных сил был уволен за несоответствующий советскому военному служащему моральный облик и сгинул. После этих небывалых событий все военные мужья и вольнонаемные напряглись. Жены теперь были под зорким наблюдением своих и чужих глаз. Маша только посмеялась: вот молодец Надька, оторвала свое счастье. Слава богу, нашла! А Григорий Михайлович... данный казус только подтвердил правильность его умозаключений относительно женского пола. Был собран малый семейный совет. Посадив своих девочек на кухне рядышком, провел разъяснительную работу, что такое семья и её миссия, а также моральный облик советской женщины в условиях холодной войны с идейным врагом. Девочки внимательно слушали. Правда, каждая по-своему: Леночка сидела, раскачивая ножками в домашних тапках, обняв свою куклу, тоже Лену, и шепотом переводила эту самую папину «миссию» на ушко кукле, Маша – с милой улыбкой и с вязанием носка для докладчика и оратора в одном лице. Через полчаса слушательница, та, что малая, попросилась пописать, а старшая предложила поужинать... на этом и закончили.

Два года спустя они топтались в редкой толпе счастливиц перед обитой дерматином дверью профкома. Шла комиссия по распределению жилой площади, и почти ссорились:

– Гриша, зачем нам четырехкомнатная, нас же трое? – шептала она перед самой дверью распределительной комиссии – от нее, жены к тому времени полковника, требовалось присутствие и согласие. Желательно молчаливое и письменное.

– Я что, не имею права? Ты, Мария, неправильная жена! Мне полагается... при моем звании ... – и, отведя её в сторону, зло выговаривал, тараща глаза.

– ...Так убирать же... Гриша, и платить опять же, да и дом только планируется, в планах он, когда его построят, даже сроки не называют!

– ...Не о том беспокоитесь, Мария Ивановна, любезная! – грозно шипел он в коридоре в закоулке перед туалетом, и лицо его наливалось свекольным соком. – ...Ты помнишь, в каком я звании? – и уже крепко взяв под локоток, снова шипел, брызгая слюной: – Мне положено!..